

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ДОКТОРА БАРЧЕНКО

THE EARLY YEARS OF DOCTOR BARCHENKO

I. Izbachkov

Summary: The figure of Alexander Vasilyevich Barchenko is surrounded by legend. As the leader of the occult society The United Labor Brotherhood, he, through his followers, attempted to influence the formation of Soviet state policy in the 1920s and 1930s. Believing that the events of his youth largely played a decisive role in future decision-making, this article attempts to understand, through an analysis of Barchenko's biography and literary work, how his way of thinking ultimately influenced the activities of one of the most famous occult societies in Soviet Russia.

Keywords: Alexander Barchenko, secret societies, The United Labor Brotherhood, Rosicrucians, Blavatsky, Doctor Cherny, N-rays.

Избачков Юрий Сергеевич

соискатель, Российский

научно-исследовательский институт культурного

и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

strax5@list.ru

Аннотация: Личность Александра Васильевича Барченко до сих пор окружена легендами. Как лидер оккультного общества «Единое Трудовое Братство» он через своих адептов пытался оказывать влияние на формирование политики советского государства в 1920–1930 годах. Полагая, что события, имевшие место в молодости, оказывают во многом определяющую роль в принятии решений в дальнейшем, в статье предпринята попытка через анализ биографии и литературного творчества Барченко разобраться, как его образ мышления в итоге повлиял на деятельность одного из самых известных оккультных обществ Советской России.

Ключевые слова: Александр Барченко, тайные общества, «Единое Трудовое Братство», розенкрейцеры, Блаватская, «Доктор Чёрный», N-лучи.

В отношении тайных обществ советских эзотериков 1920–1930 годов можно отметить определяющее значение лидера в формировании культуры того или иного общества. Интеллектуалы А.А. Мейер («Воскресение») и В.В. Белюстин (розенкрейцеры-орионийцы), ментор Г.О. Мебёс и тиран М.А. Нестерова (мартинисты), подражатель Б.В. Астромов-Кириченко (ложе «Астеря»), индивидуалист А.А. Карелин (анархисты-мистики), поэт Б.М. Зубакин («Lux Astralis») дали своим обществам не только идеи и ценностные установки, но и образ поведения адепта на собраниях и в быту. Выяснив отношение лидера к различным аспектам окружающего мира (отношениям с родителями, пространством, обществом, властью) можно составить представление о тайном обществе в целом.

Существенной трудностью на этом пути является отсутствие достоверных источников о деятельности лидеров и рядовых членов тайных обществ советских оккультистов. Сведения об их деятельности в Советской России отрывочны или искажены. Письма и воспоминания участников часто излишне восторженны и приукрашивают действительность, а материалы уголовных дел, которые вело в отношении них ОГПУ–НКВД, часто сфальсифицированы.

Один из путей решения проблемы понимания истинных мотивов и установок советских оккультистов – обратиться к их жизни до революции, следуя предположению, что многие личностные черты, заложенные в молодые годы, сохраняются в зрелом возрасте.

Среди всех лидеров советских тайных обществ эзоте-

рической направленности отдельного внимания достоин А.В. Барченко («Единое Трудовое Братство»). В отношении него имеется относительно много неискаженных дореволюционных источников.

Задача состоит в том, чтобы посредством анализа прежде всего его литературного творчества, биографических сведений, а также документов об участии в революционной борьбе и о военной службе, выявить его личностные черты и проследить как они позже проявились в деятельности «Единого Трудового Братства».

«Доктор Барченко», или «Распутин большевистского двора», как его окрестили в НКВД, – Александр Васильевич Барченко (1881–1938) может называться доктором весьма условно. Законченного медицинского образования у него не было, а диссертацию по теме «Введение в методику экспериментальных воздействий объемного энергополя» он защитить не успел в связи с арестом в 1937 году [1, Л. 6, 174–174об]. Сохранились воспоминания современников, что Барченко, будучи заведующим лабораторией во Всесоюзном Институте Экспериментальной Медицины занимался врачебной практикой [2, Л. 7–7об]. Хотя, судя по описанию его методики, которое приводит в своих записях Э.М. Кондиайн, одна из самых близких его сторонниц, процедура сводилась к лечению внушением в разных вариациях [3, С. 196–198; 4, С. 329–331].

Легендированию биографии Барченко способствует, с одной стороны, желание широкой публики иметь некую таинственную фигуру, выступающую связующим звеном между высшей властью и могущественными тай-

ными силами, и готовность некоторых исследователей этот спрос удовлетворить.

Барченко родился в Ельце в 1881 году в семье частного поверенного (в последующем – нотариуса Елецкого Окружного Суда) [5, Л. 2–2об]. Отношения с родителями были непростыми. Это отчетливо видно из романа «Доктор Чёрный» [6, С. 39–240] (его главного произведения, за которое он в 1912 году получил гонорар 500 рублей [7, Л. 2]), повести «Океан-кормилец» (1917) [8] и рассказа «Водолазы» (1914) [9, С.132–169], на героев которых Барченко проецирует свои личные переживания. Герои его произведений (часто с именем Василий – так звали его брата) будучи старшими из многих детей попадают в ситуацию, когда родители не могут оказывать им помощь, так как должны заботиться о младших детях.

С другой стороны, для героев произведений Барченко характерно стремление вырваться из родительского дома, стремление увидеть мир. Спасенный поморами гимназист Василий («Океан-кормилец») вместо летних каникул в купеческом доме родителей выбирает работу в рыболовецкой артели на Белом море среди простых мужиков и поселенцев.

Барченко-писатель в 1910-е годы очень тонко чувствовал настроения своей аудитории: петербургской молодежи и студенчества. Язык произведений Барченко часто сравнивают с приключенческой литературой тех лет, обширно печатавшейся в журналах (Т. Майн Рид, Дж. Лондон, Луи Буссенар). Здесь отчетливо проявилась черта, характерная в будущем для Барченко-эзотерика: его стремление к поискам тайных знаний как способ вырваться из окружавшей его действительности. Следуя примеру западных авторов, Барченко увлекательно рассказывал истории, порой очевидно придуманные, но при этом он тонко чувствовал прафеномен (И. Гёте, О. Шпенглер) русской души – воли от власти, стремление уйти за горизонт. В какой-то мере Барченко следовал характерному для русской литературы посылу духовного поиска, космизма [10, С. 231]. Герои его произведений не стремятся подчинить себе природу (воля к власти, фаустовский тип), не стремятся раствориться в ней, надев маску тысячи лиц (аватар, азиатский тип), они хотят попасть в неведомое. Это бесцельное стремление характерно для экспедиций Барченко в советские годы, прежде всего для несостоявшейся экспедиции в Афганистан и Тибет (1924) на поиски подземной страны Агарты.

Барченко закончил 2-ю классическую гимназию в Санкт-Петербурге, после чего поступил в Военно-Медицинскую Академию (1900). В 1901 года принял участие в студенческих волнениях, был арестован полицией [1, Л. 9об], после чего перевелся в Казанский университет, а потом в Юрьевский (Дерптский), откуда был вынужден уйти из-за финансовых трудностей.

Страх преследования и ареста Барченко воплотил в переживаниях студента Василия Белова (романы «Доктор Чёрный» и «Из мрака»), опознанного полицией как невольного активного участника антиправительственной демонстрации, из-за чего он вынужден скрываться от властей и, в итоге, бежать на границу вместе с финскими моряками-контрабандистами. Барченко очень живо передал состояние человека, преследуемого властями, беспомощности перед репрессивной системой. Это оказалось очень удачным попаданием в душу довоенных читателей, но также наложило отпечаток на характер самого Барченко. В отношениях с властью он не выступал антагонистом, шел на компромиссы. Он адаптировал свое мистическое учение к коммунистической риторике первых лет советской власти, поставив на первый план построение коммунистического общества с помощью знаний древней науки, которые хранятся в Шамболе.

А.И. Андреев отмечает пробел в биографии Барченко после оставления университета [3, С. 29]. Это был критический период жизни, который также тесно связан с восприятием властей и отношениями с родителями.

Весной 1905 года Барченко поступает охотником (добровольцем) в 93-й пехотный Иркутский полк, расквартированный в Пскове. К этому времени Барченко женился и имел ребенка. Но уже в мае 1905 года он был уволен командиром полка за революционную пропаганду среди солдат [11]. Это его не остановило, в итоге он был арестован и передан жандармам. Только вмешательство отца, который внес за него огромную по тем временам сумму залога 8000 рублей [12, Л.3–4], а в дальнейшем добился перевода дела из Пскова и прекращения дела, вероятно, мотивировав соответствующим образом чиновников полиции. Анализ имеющихся материалов дела показывает, что если в отношении подстрекательства к убийству офицеров доказательств было явно недостаточно, то за распространение преступных изданий он вполне мог получить год тюремного заключения. В дальнейшем, вплоть до ареста в 1937 году Барченко не упоминал факт своего преследования за революционную деятельность. То, как ему удалось избежать наказания, не было предметом гордости.

Здесь следует отметить ключевую черту характера Барченко – легкую возбудимость под влиянием какой-либо идеи и очень длительный и сложный процесс принятия своих ошибок. Даже после таких усилий отца, он в последующем продолжал возлагать вину на родителей, не оказавших ему помощь в оплате обучения, что в итоге привело к аресту.

Стоит также отметить, Барченко позволил революционным идеям увлечь себя в ущерб интересам семьи. Это говорит о личностном акценте Барченко на себе. И это соответствует учению «Единого Трудового Братства», где

в центре стоит совершенствование индивида, а не группы в целом.

Псковское дело оставило глубокий след в сознании Барченко, настолько, что уже став известным писателем он отомстил сослуживцам по 93-му пехотному Иркутскому полку покалечив одного из них в рассказе «Вавилонская башня. Из жизни русских эмигрантов в С. Америке» [9, С. 27–48]. Тихая литературная месть характерна для Барченко-писателя.

В дальнейшем Барченко в революционном движении участия не принимал, что типично для представителей интеллигенции в царской России. Если конкретного человека не затягивало в жернова системы, уход в оккультизм был частым решением [13].

Легкая возбудимость под влиянием внешних воздействий позже проявилась во время Первой Мировой войны. Попав под влияние патриотической пропаганды, осенью 1914 года Барченко пошел в армию добровольцем. В 19-й пехотной Запасной бригаде он в октябре сдал формальный экзамен на первичный офицерский чин прапорщика [14, Л. 20–21, 69, 94–97]. 19-я бригада была не боевой, а учебной частью, где новобранцев готовили в течение четырех-шести недель. Разумеется, за такой короткий срок подготовить солдата невозможно. Однако новопроизведенные офицеры под руководством старых кадровых офицеров с энтузиазмом пытались обучать пополнение.

Обстоятельства сложились таким образом, что подготовленного мобилизационного резерва России хватило на первые пять месяцев маневренного этапа войны. Барченко отправился в действующую армию в середине января 1915 года. Попав на фронт и увидев реальную картину войны Барченко испытал сокрушительное разочарование, настолько сильное, что защитные механизмы его психики не справились. Он бежал из своей части, был задержан Петроградской комендатурой и помещен в Николаевский военный госпиталь [15, Л. 338], врачи которого признали его негодным к военной службе вследствие психического заболевания – сифилитической деменции [16, Л. 3–4]. Скорее всего, врачи ошиблись с диагнозом, так как Барченко после этого прожил еще 23 года, что для данного заболевания нетипично.

После увольнения с военной службы в декабре 1915 года Барченко вернулся к писательской деятельности, при этом почти не писал о войне. Несколько его рассказов («Спаситель», «За далеких братьев») нельзя признать удачными. Однако неудачная военная служба отразилась в Правилах жизни членов «Единого трудового братства»: «При встрече с воином, не кичись белизной своих рук» [цитируется по 4, С. 97].

Представляют интерес представления Барченко о пространстве. Еще до войны он много писал о путешествиях в далекие страны, авиации, морских приключениях и катастрофах. Яркие описания жизни на море и природы экзотических стран, знание флотской терминологии, дали основание его адептам утверждать, что в период 1905–1911 годов Барченко активно путешествовал, в том числе побывал в США, Канаде и Индии. Однако подтверждения этому отсутствуют, включая какие-либо фотографии или заявления самого Барченко.

Барченко детально и красочно описывает природу и социум Индии («Доктор Чёрный», «Из мрака»), не допуская ошибок, характерных для многих авторов (например, таких как долгий тропический закат или сезон дождей). Но подражая другим авторам и акцентируясь на типичных ляпах, он упускает более мелкие детали, которые показывают, что он никогда не был в Индии (левостороннее движение, самоназвание местных племен, описание элементов одежды, характерное искажение английских названий животных, ошибки в названиях оружия), а также ни словом не упоминает повседневные бытовые проблемы (надоедливые насекомые, опасность паразитов, постоянная проблема чистой воды), что говорит о том, что он старательно изучал эту страну по чужим книгам. И понятно по чьим: в конце 1900-х годов Барченко попал под влияние теософской литературы.

Любопытная деталь. В романе «Доктор Чёрный» около десяти раз упоминаются местные индийские племена, причем больше половины упоминаний приходится на племена тода и курумба. Это небольшие племена в Нилгири (Голубые горы), происхождение которых в то время вызывало много дискуссий [17, 18]. Но почему из всей многонациональной Индии Барченко обратил внимание в основном эти малочисленные племена становится понятным если учесть, что о них написала много удивительного Е.П. Блаватская [19] (выдумки Блаватской в последующем разоблачила советский ученый-индолог Л.В. Шапошникова [20, С. 303–308]).

В литературе не редкость, когда увлекательные романы и очерки о дальних странах пишут люди, никогда там не бывавшие. Применительно к Барченко можно судить о наличии у него с одной стороны развитой фантазии, а с другой его восприимчивости постороннему авторитетному мнению.

В 1910–1914 годах Барченко занимался литературной деятельностью, работая журналистом в издательстве П.П. Сойкина. Он хорошо понимал интересы читающей публики. В произведениях Барченко можно часто встретить криминальные сюжеты, рассказы о морских катастрофах («Береговые пираты», «На Каспии», «На льдине», «Мертвый мститель», «В осеннюю бурю» [9], «Доктор Чёрный»), истории о быстром обогащении

(«Золото», «Из мрака»), но также проблематику серости жизни обывателей и социального тупика для молодежи («Ненасущное», «Водолазы»). Он активно эксплуатировал интерес публики к достижениям современной науки (очерки «Душа природы» [21], «Передача мыслей на расстоянии» [22]).

Несомненно, журналистская деятельность наложила влияние на его дальнейшую жизнь. Она научила его быть интересным людям – очень полезный навык для лидера эзотерического общества. Однако он и сам легко попадал под влияние. В его морских рассказах несколько упоминается отставной капитан Петр Янсен (Ясень) («Экстренным рейсом», «В осеннюю бурю», «В "Мокром приходе"»). Вероятно, именно он помогал Барченко с морской тематикой. То, как старательно выписан образ Янсена, говорит о многом. Барченко вырос в состоятельной семье. Сформированный в детстве образ отца-защитника, которого он так и не простил, заместился образом морского капитана (морская стихия – основной источник опасности в произведениях Барченко). В дальнейшем потребность в защитнике привела к появлению группы петроградских чекистов (Владимиров, Шварц, Рикс, Отто), опекавших Барченко, а затем к дружбе с одним из руководителей ОГПУ Г.И. Боким. В результате это вылилось в самую сложную среди всех тайных обществ организационную структуру «Единого Трудового Братства»: два разных лидера, каждый из которых покрывал потребности друг друга. Бокий хотел опекать, но иметь наставника, Барченко требовался защитник, но также он нуждался в слушателе.

В романе «Из мрака», рассказах «Золото», «Береговые пираты» и «Мертвый мститель», «На Каспии» отчетливо проявляется приверженность Барченко идее воздаяния. При этом в большинстве случаев неблагоприятное поведение характерно для людей, наделенных властью и деньгами, расплата для них наступает независимо от действий людей, это месть неведомых сил, которая настигает человека. Тут проявляется равнодушное восприятие Барченко власти. Он не был сторонником царской власти, и это же отношение в дальнейшем перенес на советскую власть. Идеология «Единого Трудового Братства» тоже пропитана идеями непротivления власти. Плыть по течению – идея, которая в дальнейшем разовьется в главный жизненный принцип Барченко-эзотерика.

При этом Барченко придерживался линейного, а не циклического представления о течении времени. С од-

ной стороны, он пытался черпать мудрость из восточных учений, но для прогрессивного развития общества. В целом его следует отнести больше к теософам, нежели к розенкрейцерам, несмотря на использование символики последних.

В заключение стоит отметить, что одержимость Барченко поисками остатков древней цивилизации является закономерным развитием его представлений о мире. Его образ мышления был подготовлен к восприятию идей Сент-Ива о существовании далекой Гималайской подземной цивилизации.

Психологические черты, такие как бессознательный страх властей (стремление изолироваться от власти), отсутствие нужды в детстве (с денежными затруднениями Барченко столкнулся только в годы студенчества) и, как следствие, отсутствие темы денег в его творчестве как средства насущного обмена, наличие влиятельного защитника в лице Г.И. Бокия определили замкнутый характер деятельности и отсутствие в идеологии «Единого Трудового Братства» миссионерской идеи. Они не нуждались в эксплуатации своих адептов как, например, ленинградские парамасоны (Г.О. Мёбес, Б.В. Астромов-Кириченко), и принимали лишь тех, кто приходил к ним сам.

Эти же психологические черты и внешние обстоятельства определили предельный аскетизм в жизни Барченко и коммуны проживавших вместе с ним его самых близких (ядра «Единого Трудового Братства»: двух жен, семьи Кандиайн, Ю.Б. Струтинской и Л.Н. Шишеловой-Марковой). Пункт 9 Правил жизни братства: «Воровство – не только присвоение чужих вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, не нужного тебе» [3, С. 96].

Увлеченность какой-то идеей и нежелание от нее отступать – ключевое, что Барченко дал своей организации. Эту черту характера он пронес через всю жизнь. А понимание интересов слушателя и умение интересно рассказывать о далеких мирах дало обществу устойчивых сторонников, так же, как и Барченко, искавших выход из суровой действительности в состояние инобытия.

Исследователями оккультизма Барченко представляется одной из самых таинственных фигур среди эзотериков. Однако внимательное рассмотрение его личности показывает, что он был обычный человек, искренне доверившийся легенде о далекой Шамболе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело Барченко Александра Васильевича. Центральный архив Федеральной службы безопасности, № Р-23405.

2. Надзорное производство № 13/365-66 Прокуратуры Союза ССР. Отдел по надзору за следствием в органах госбезопасности. Дело Барченко А.В. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), Ф.Р-8137. О.36. Д.254.
3. Андреев, А.И. Время Шамбалы: Оккультизм, наука и политика в Советской России / Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. – 380, [1] с.
4. Андреев, А.И. Оккультист Страны Советов: [тайна доктора Барченко] / Москва: Яуза: Эксмо, 2004. – 365 с.
5. Личное дело Барченко Василия Ксенофонтовича. Российский государственный архив экономики. Ф.5709 Оп.1 Д.75.
6. Барченко, А.В. Из мрака: Романы, повесть, рассказы / Вступ. ст. С.А. Барченко – Москва: Современник, 1991. – 537 с.
7. Российский государственный архив литературы и искусства, Ф.468 О.3 Д.21.
8. Барченко, А.В. Океан-кормилец / Петроград: Б. и., 1917. – Библиотека «Всходов» [1917 № 1–4].
9. Барченко, А.В. Волны жизни: Сб. рассказов / Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1914. – 284 с.
10. Васильев, Г.Е. Окоём волюшки. Русская философия власти / Глеб Васильев. – Москва: Ваш формат, сор. 2021. – 579 с.
11. Дело департамента полиции о бывшем студенте Александре Барченко обвиняемом в хранении с целью распространения преступных изданий. ГА РФ, Ф.102. Д-7. О.203. 1906 г. Д.7614.
12. Дело департамента полиции 7 делопроизводство № 6750/1906 Об исследовании степени политической благонадежности студента Александра Барченко. ГА РФ, Ф.102. Д-7. О.203. 1906 г. Д.6750.
13. Община Голгофских христиан. ГА РФ, Ф.102. О.119. 1910 г. 4-е делопроизводство Д.398.
14. Дело управления 19 пехотной запасной бригады № 76. Об экзамене при Управлении бригады на чин прапорщика, Часть I-я. 2 октября 1914 г – 31 декабря 1914 г. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), Ф.7699. Оп.1. Д.46.
15. Управление 19 пех. зап. бригады (по части строевой). Об офицерских и классных чинах батальонов бригады, 2 января 1915 г. – 29 апреля 1915 г. РГВИА. Ф.7699. Оп.1. Д. 57.
16. Дело об увольнении прапорщика А.В. Барченко со службы. РГВИА. Ф.409 п/с 301–624 1915 г. (преж. Ф.408. Оп.1. Д.3782).
17. Hough, J. Letters on the Climate, Inhabitants, Productions, &c., &c. of the Neilgherries, Or Blue Mountains of Coimbatore, South India / London: J. Hatchard, 1829. – 172, [17] с.
18. Oppert, G.S. On The Original Inhabitants Of Bharatavarsa Or India / Delhi: Oriental Publishers, 1893. – 711 с.
19. Блаватская, Е.П. Загадочные племена на Голубых горах / Москва: Эксмо, 2008. – 283, [3] с.
20. Шапошникова, Л.В. Тайна племени Голубых гор / Москва: Наука, 1969. – 317 с.
21. Барченко, А.В. Душа природы: очерк // Жизнь для всех. – 1911 – № 12 – Стлб. 1684–1720.
22. Барченко А.В. Передача мыслей на расстояние. Опыт с «мозговыми лучами»: очерк в двух частях // Природа и люди – 1911 – № 31–32.

© Избачков Юрий Сергеевич (strax5@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»